

Оглавление

Вступление	3
Глава первая. Пролог пьесы	4
Глава вторая. «Увертюра, первый выход!»	15
Глава третья. Смерть Бородача	30
Глава четвертая. Аллейн берется за дело	41
Глава пятая. Показания режиссера	51
Глава шестая. В предрассветный час	62
Глава седьмая. Реквизитор Пропс	73
Глава восьмая. Феликс Гарденер	83
Глава девятая. Плечико Стефани Вон	94
Глава десятая. На следующий день	105
Глава одиннадцатая. Найджел становится сыщиком ..	118
Глава двенадцатая. Квартира Сюрбонадье	129
Глава тринадцатая. Содержимое железной коробки ..	139
Глава четырнадцатая. Гарденер заглядывает в прошлое ..	148
Глава пятнадцатая. Ахиллесова пята	157
Глава шестнадцатая. Дознание	170
Глава семнадцатая. Со Слоун-стрит в Скотленд-Ярд	182
Глава восемнадцатая. Арест	191
Глава девятнадцатая. Найджел отстранен	202
Глава двадцатая. Выход реквизитора	212
Глава двадцать первая. Беспардонная наглость	220
Глава двадцать вторая. Финальный занавес	230
Глава двадцать третья. Эпилог пьесы	243

Вступление

Когда я показал эту рукопись своему другу, главному инспектору Департамента уголовного розыска Аллейну, он сказал: «Это безукоризненный рассказ о деле “Единорога”, но разве в детективах не принято скрывать, кто преступник?»

Я окинул его холодным взглядом: «Этот прием безнадежно устарел, дорогой Аллейн. Ныне на преступника всегда указывают уже в первых главах».

«В таком случае я вас поздравляю», — сказал он. Я не слишком обрадовался.

Глава первая

ПРОЛОГ ПЬЕСЫ

I

25 мая Артур Сюрбонадье (настоящее имя Артур Саймс) наведлся к своему дядюшке Джейкобу Сейнту (настоящее имя Джейкоб Саймс). Джейкоб не всегда директорствовал, раньше он был актером со сценическим псевдонимом Сейнт¹, который на всю жизнь превратился в его фамилию. Он нутужно шутил по этому поводу («я не святой!») и не позволил взять эту же фамилию племяннику, когда и тот вышел на подмостки. «В профессии может быть только один святой! — рычал он. — Называйся как хочешь, Артур, но на моей делянке не топчись. Я зачислю тебя в «Единорог», а дальше сам выкручивайся. Если окажешься плохим актером, ролей тебе не видать — так уж у нас заведено».

Следуя за лакеем в библиотеку дяди, Артур Сюрбонадье (взять вычурную французскую фамилию Сюрбонадье ему посоветовала Стефани Вон) вспоминал тот разговор. Что до актерских способ-

¹ От *англ.* Saint (святой). — Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

ностей, то он вовсе не являлся плохим — скорее профессионально пригодным. По его собственному мнению, на сцене он был чертовски хорош. Сейчас, готовясь к встрече, он принял высокомерный вид. Чертовски хороший актер со своей изюминкой! Кто такой по сравнению с ним Джейкоб Сейнт? При необходимости он прибегнет к смертельному оружию, о котором Сейнт не подозревает. Лакей распахнул дверь библиотеки.

— Мистер Сюрбонадзе, сэр.

Артур Сюрбонадзе вошел.

Джейкоб Сейнт восседал за письменным столом последнего поколения в ультрасовременном кресле. Лампа кубистической формы освещала набрякшие складки жира у него на затылке. Он глядел в сторону, его розовую голову окутывал сигарный дым. Комната пропахла сигарами и специальными духами, которые изготавливали для него на заказ; ни у одной из его дам, даже у Джанет Эмерелд, не было права ими душиться.

— Садись, Артур, — прогрохотал он. — Бери сигару, я займусь тобой через минуту.

Артур Сюрбонадзе сел, от сигары отказался, закурил сигарету и стал в тревоге ждать. Джейкоб Сейнт писал, пыхтел, шумно орудовал пресс-папье, ерзал в своем железном кресле.

Он был настоящей карикатурой на театрального магната, смахивал на актера, старательно исполняющего роль, — со своей обвислой пунцовой шеей, хриплым голосом, водянистыми голубыми глазками, толстыми губами.

— Чего тебе, Артур? — наконец нетерпеливо спросил он.

— Как здоровье, дядя Джейкоб? Ревматизм отпустил?

— Не ревматизм, а подагра — сдохнуть можно! Так чего тебе?

— Я по поводу нового спектакля в «Единороге»... — Сюрбонадье мялся, Сейнт молчал. — Я... Не знаю, видели ли вы изменения в актерском составе.

— Видел.

— О!..

— Что дальше?

— Дальше? — Сюрбонадье неуверенно изображал безразличие. — Вы их одобряете, дядя?

— Одобряю.

— А я нет.

— Это что еще за чертовщина? — осведомился Джейкоб Сейнт. Упитанная физиономия Сюрбонадье побледнела. Он все еще притворялся хозяином положения, мысленно поглаживая свое безотказное оружие.

— Первоначально, — начал он, — на роль Каррутерса назначили меня. Я могу сыграть эту роль, и сыграть хорошо. А теперь ее отдали Гарденеру — нашему господину Феликсу, всеобщему любимцу.

— Вся штука в том, что он любимец Стефани Вон.

— Что с того? — выдавил Сюрбонадье. У него дрожали губы, он чувствовал, как в нем закипает гнев, и был этому даже рад.

— Не ребячься, Артур, — прорычал Сейнт. — И избавь меня от своего нытья. Феликс Гарденер

играет Каррутерса потому, что превосходит тебя как актер. Этим он, вероятно, и прельстил Стефани Вон. Он привлекательнее тебя сексуально. Ты будешь играть Бородача. Это очень эффектная роль, ее отобрали у старика Беркли Крамера, хотя он справился бы не хуже тебя.

— Учтите, я очень недоволен. Я хочу, чтобы вы вмешались. Хочу роль Каррутерса.

— Ты ее не получишь. Я с самого начала предупреждал, чтобы ты не смел использовать наше родство как средство для выбивания себе ведущих ролей. Я предоставил тебе шанс, о котором ты и мечтать бы не мог, не будь я твоим дядей. Дальше все зависит от тебя самого. — Он окинул племянника мутным взглядом и придвинулся к столу. — И вообще, я занят!

Сюрбонадье облизнул губы и подался к нему.

— Вы всю жизнь меня запугивали, — заговорил он. — Вы платили за мое образование, чтобы потешить свое тщеславие и из желания властвовать.

— Неубедительно! Ты неважный актер.

— Избавьтесь от Феликса Гарденера!

Впервые Джейкоб Сейнт всерьез уделил внимание племяннику. Он слегка вытаращил глаза и угрожающе боднул головой — то и другое весьма эффектно сбивало с толку и отлично помогало ставить на место людей порешительнее Сюрбонадье.

— Еще раз попытаешься заговорить со мной в таком тоне — и тебе крышка, — проговорил он тихо. — А теперь пошел вон.

— Я не тороплюсь. — Сюрбонадзе вцепился в край стола и прокашлялся. — Я слишком много о вас знаю. Больше, чем вы думаете. Знаю, за что вы... За что заплатили две тысячи Мортлейку.

Они уставились друг на друга. Из полуоткрытых губ Сейнта вырвался хилый сигарный дымок. Потом он заговорил с источающей яд сдержанностью:

— Значит, мы решились на шантаж? — Его голос стал угрожающим: — Ты что задумал, ты?..

— Вы, часом, не хватились письма, полученного от него в феврале, когда я... Когда я...

— Когда ты у меня гостил? Боже, а я еще тратил на тебя деньги, Артур!

— У меня есть его копия. — Сюрбонадзе полез трясущейся рукой в карман. При этом он не мог отвести взгляда от дядиного лица. Можно было подумать, что он не владеет собой, действует автоматически. Сейнт, глянув на бумагу, отшвырнул ее.

— Если ты еще раз позволишь себе что-нибудь в этом духе, — он перешел на сиплый вой, пробирающий до костей, — я подам на тебя в суд за шантаж. Я тебя уничтожу! Тебя нигде во всем Лондоне не пустят на порог, слышишь?

— Это мы еще посмотрим. — Сюрбонадзе попятился назад, словно опасаясь удара. — Посмотрим! — Он схватился за дверную ручку.

Джейкоб Сейнт встал. Шести футов росту, он выглядел огромным. Комната казалась тесной для него, из двоих Саймсов доминирующей

особью должен был быть, вне всякого сомнения, он. Тем не менее Сюрбонадзе — болезненный, рыхлый, заметно дрожащий — сейчас имел над ним пусть нетвердое, но все же превосходство.

— Я пойду, — сказал племянник.

— Нет, — ответил Сейнт. — Садись и слушай.

Сюрбонадзе повиновался.

II

Поздним вечером 7 июня после премьеры «Крысы и Бородача» Феликс Гарденер устроил прием в своей квартире на Слоун-стрит. Он пригласил всех участников постановки, даже старенькую Сьюзен Макс, которая, злоупотребив шампанским, стала вспоминать, как играла в Австралии с Джулиусом Найтом. Джанет Эмерелд — по пьесе злоумышленница — внимала ей с видом мрачной сосредоточенности. Стефани Вон — идеальное воплощение ведущей актрисы — была спокойна, изящна, до беспечности добра с каждым и явно податлива с Феликсом Гарденером. Найджел Батгейт — единственный журналист на вечеринке и друг Феликса по Кембриджу — предполагал, что Феликс и мисс Вон вот-вот объявят о своей помолвке. Их внимание друг к другу определенно превосходило даже театральную избыточность. Тут же находился Артур Сюрбонадзе, проявляющий ко всем, по мнению недолюбливавшего его Найдже-ла, излишнее дружелюбие. Дж. Беркли Крамер, испытывающий к Сюрбонадзе еще большую анти-

патию, сверкал на него глазами через стол. Дульси Димер — инженеру¹ спектакля — на вечеринке выступала в том же амплуа. Говард Мелвилл отдавал должное ее юной прелести, юной робости и кое-чему еще, тоже юному и столь же приятному. Был там и Джейкоб Сейнт, громогласно-общительный и общительно-громогласный. «Моя труппа, мои актеры, мой спектакль!» — Казалось, он кричал это без умолку, да он, собственно, это и делал. К смиренному драматургу, автору пьесы, Сейнт так и обращался: «Мой автор». Драматург при этом смирение сохранял. Присутствовал и Джордж Симпсон, режиссер спектакля, — это он начал тот разговор, который вспоминал спустя неделю-другую Найджел и о котором рассказывал своему другу, главному инспектору уголовной полиции Аллейну.

— Канитель с револьвером вышла неплохо, Феликс, — сказал Симпсон, — хотя я, признаться, нервничал. Ненавижу подделки!

— Как это выглядело из зала? — обратился Сюрбонадзе к Найджелу Батгейту.

— Что ты имеешь в виду? Что за канитель с револьвером?

— Боже, он даже не помнит! — Феликс Гарденер вздохнул. — В третьем акте, дорогой мой, я стреляю в Бородача, то есть в Артура, то есть в мистера Сюрбонадзе, в упор, и он падает мертвый.

¹ И н ж е н е р у — театральное амплуа молодой неопытной девушки, часто с благородным сердцем. — *Примеч. ред.*

— Помню, конечно, — возразил уязвленный Найджел. — К этому эпизоду не подкопаешься, очень убедительно. Револьверный выстрел.

— Револьверный выстрел! — радостно крикнула мисс Дульси Димер. — Слышите, Феликс?

— Никакого выстрела! — вмешался режиссер. — В том-то и дело! То есть я произвожу выстрел за кулисами, а Феликс просто дергает рукой. Он, видите ли, стреляет в Бородача в упор, фактически приставляет дуло к его жилету, поэтому холостой выстрел исключается — он бы опалил на актере одежду. Бородач заряжает свой револьвер муляжами пуль.

— Чему я крайне рад, — подхватил Артур Сюрбонадь. — Ненавижу огнестрельное оружие! В этой сцене я весь обливаюсь потом. Вот она, цена актерского ремесла, — со значением добавил он, глядя на своего дядю Джейкоба Сейнта.

— О господи! — пробормотал Дж. Беркли Крамер с презрительной гримасой, обращаясь к Гарденеру. — Это же ваш револьвер, Феликс? — спросил он громко.

— Мой, — подтвердил Феликс Гарденер. — Раньше он принадлежал моему брату, который прошел с ним всю Фландрию. — Он говорил все громче. — В театре я его не оставляю — он мне слишком дорог. Вот он, полюбуйтеся.

Все в почтительном молчании уставились на револьвер, который владелец положил на стол.

— Эта штука изрядно портит пьесу, — высказался драматург.

Больше о револьвере не говорили.

III

Утром 14 июня, по прошествии недели аншлага на «Крысе и Бородаче», Феликс Гарденер отправил Найджелу Батгейту в подарок два билета в партер. Анджелы Норт (не участвующей в этом сюжете) не оказалось в Лондоне, поэтому Найджел позвонил в Скотленд-Ярд и попросил к телефону своего друга, главного инспектора уголовной полиции Родерика Аллейна.

— Вы заняты сегодня вечером? — спросил он.

— А что? — спросил голос в трубке.

— До чего вы осторожны! — восхитился Найджел. — У меня два билета на спектакль в «Единороге». Подарок Феликса Гарденера.

— Как у вас много замечательных знакомых! — заметил главный инспектор. — С удовольствием пойду! А вы со мной поужинаете, хорошо?

— Лучше вы со мной. Это мой вечер.

— Вот как? Звучит многообещающе.

— Вот и отлично! — подытожил Найджел. — Я заеду за вами без четверти семь.

— Обещаю не опаздывать. Я заслужил вечер развлечений, — отозвался Аллейн. — Спасибо, Батгейт. Счастливо.

— Надеюсь, вам понравится, — сказал Найджел, но собеседник его уже не слышал.

Ближе к вечеру того же дня, 14 июня, Артур Сюрбонадзе явился в квартиру Стефани Вон на Шепердс-Маркет и сделал ей предложение. Это происходило не в первый раз. Мисс Вон сочла не-

обходимым прибегнуть ко всему своему профессиональному и личному умению. Сцена требовала шепетильности, и она уделила ей максимум внимания.

— Дорогой мой, — заговорила она, неторопливо закуривая сигарету и совершенно бессознательно принимая лучшую из шести своих заученных поз у каминной полки. — Дорогой мой, я страшно, просто ужасно всем этим удручена! Понимаю, я виновата. Очень виновата!

Сюрбонадье безмолвствовал. Мисс Вон поменяла позу. Он хорошо знал по долгому опыту, какой будет следующая, знал и то, что будет ею пленен, как будто видит впервые. Она заговорит почти шепотом, замурлычет...

Мурлыканье не заставило себя ждать.

— Артур, дорогой, я вся на нервах. Эта пьеса высосала из меня все жизненные силы. Я не знаю, где я, что со мной. Будьте снисходительны. У меня ощущение, что я вообще не способна кого-то полюбить. — Она бессильно уронила руки, потом поднесла одну к своему декольте, чтобы собеседник не сорвался с крючка. — Попросту не способна! — Удрученный вздох.

— Даже Феликса Гарденера? — спросил Сюрбонадье.

— Ах, Феликс!.. — Мисс Вон изобразила свою прославленную улыбку с тремя уголками, слегка приподняла плечи, приняла задумчивый и отрешенный вид. Ей было под силу передать целый мир неподвластных ей чувств.

— Давайте начистоту, — брякнул Сюрбонадье. — Гарденер... — Он засмутился, отвел глаза. — Гарденер меня оттеснил?

— Милый мой, это словечко из эпохи короля Эдуарда. Феликс изъясняется на одном из моих наречий. У вас — ваше собственное наречие.

— Я молюсь, чтобы вы перешли на простой английский, — сказал Сюрбонадье. — Им я владею не хуже него. Я люблю вас, я хочу вас. Это сказано на одном из ваших языков?

Мисс Вон упала в кресло и всплеснула руками.

— Артур, — заговорила она, — мне нужна свобода. Я не могу жить в эмоциональном заточении. Феликс кое-что мне дает.

— Дает? Как бы не так! — не согласился Сюрбонадье. Он тоже сел — и по сценической привычке сделал это весьма театрально. Правда, руки у него дрожали вполне искренне, что не прошло незамеченным для Стефани Вон.

— Артур, дорогой, — сказала она, — вы должны меня простить. Я к вам очень привязана и меньше всего хочу вас обидеть, но, пожалуйста, перестаньте меня хотеть, если можете. Не предлагайте мне замужество: с меня станется ответить «да» и сделать вас еще несчастнее, чем сейчас.

Еще не договорив, она сообразила, что допустила оплошность. Он подскочил к ней и заключил в объятия.

— Я бы рискнул, несчастье меня не пугает, — пробормотал он. — Как же я вас жажду!

Он прижался лицом к ее шее. Она поежилась. Он не видел ее лица, а оно в этот момент выражало

сильнейшее отвращение. Ее руки легли на его волосы. Внезапно она оттолкнула его.

— Нет, нет, нет! Не смейте! Оставьте меня. Вы не видите, как мне от всего этого плохо? Оставьте меня в покое!

Ни в одной отрицательной роли — а Сюрбонадье переиграл их множество — он не выглядел таким мерзким, как в этот момент.

— И не подумаю, будь я проклят! Я не позволю меня вышвыривать. Мне наплевать, что вы меня ненавидите. Я хочу вас, и, видит бог, я вас добьюсь.

Он схватил ее за запястья. Она не пыталась сопротивляться. Они уставились друг на друга, как непримиримые враги.

Вдалеке раздался электрический звонок, и момент ее капитуляции — если это был момент капитуляции — оказался упущен.

— Звонят в дверь, — сказала она. — Отпустите меня, Артур.

Ей пришлось побороться, прежде чем удалось высвободиться. Он оставался рядом с ней, пребывая в состоянии вопиющего потрясения, когда в комнату вошел Феликс Гарденер.

Глава вторая

«УВЕРТЮРА, ПЕРВЫЙ ВЫХОД!»

Привратник, стерегший служебный вход на сцену театра «Единорог», посмотрел на закопченные часы над дверью. Они показывали 7:10. Все актеры

уже заняли свои гримерные. Отсутствовала только старенькая Сьюзен Макс, исполнявшая второстепенную роль в третьем акте и потому пользовавшаяся режиссерским снисхождением. Она обычно приходила к восьми часам.

В проулке раздалися шаги. Старик Блэр заворачивал себе под нос в присущей одному ему манере, с кряхтением поднялся со своего табурета и выглянул наружу, нюхая застоявшийся между домами теплый воздух. В тусклом свете фонаря, который висел над служебным входом, появились двое мужчин в смокингах. Блэр встал в проеме, молча их разглядывая.

— Добрый вечер, — произнес один из незнакомцев, поменьше ростом.

— Добрый, сэр, — отозвался Блэр и вопросительно замер.

— Можно нам увидеть мистера Гарденера? Он нас ждет. Моя фамилия Батгейт. — Говоривший извлек портсигар и достал из него визитную карточку. Старик Блэр принял ее и перевел взгляд на более рослого посетителя.

— Мистер Аллейн со мной, — объяснил Батгейт.

— Прошу минуту подождать. — С этими словами Блэр, держа карточку с некоторым стыдом, заковылял по коридору.

— Старик очень внимательно на вас смотрел, — сказал Найджел Батгейт, протягивая другу портсигар.